

Лев ДОДИН:

«ТЕАТР — ЭТО НЕДОИЗОБРЕТЕННЫЙ ЭСПЕРАНТО»

— Малый драматический театр — редкий гость в Петербурге, вы в последнее время много ставите за границей. Что вам дают гастроли, поездки?

— Очень многое. Если говорить о художественной стороне дела, во-первых, это общение с новой аудиторией. Как мы ни любим свою, питерскую, но ко всему привыкаешь. Когда возвращаемся из очередной поездки домой, мы ошущаем питерскую публику заново — это очень важно. Театр вообще вещь архаическая, он легко стареет, легко ко всему привыкает, здесь все повторяется изо дня в день, трудно сохранять тонус в графике текущих театральных будней. Расписание одинаковое, спектакли играют одни и те же... Поездки оживляют чувства. В каждом новом городе мы играем как будто премьеру. Пока ездим, много редактируем спектакли во время гастрольных репетиций. У нас не было бы дома таких возможностей.

Гастроли — это и впечатления, которые так нужны артистам. Впечатления самые разные. Это и чувство востребованности. В нашей стране чувство востребованности очень нелегко поддерживать. Артистам театра тем плаче, пока государство всячески поддерживает, что эта ничтожная часть населения ему не нужна, — а артисту необходимо чувство гордости, чувство достоинства. Он должен знать, чего он стоит: он же рассказывает о себе в каждой своей роли. Я сейчас говорю не о самолюбивости, а о чувстве собственного достоинства, оно необходимо всем артистам. Гастроли, поездки, путешествия — они дают это чувство, что-то компенсируют, усиливают чувство востребованности и подтверждают мою мысль о том, что театр — это недоизобретенный эсперанто.

— Чем вам еще удается поддерживать в ваших артистах это чувство подлинного собственного достоинства, которое в них очевидно?

— Нужны работа, репетиции, нужно увлечение. Это очень важно. Дело не в том, что успех все определяет. Дело в том, что ты обнаруживаешь, что ты миру интересен, что мир тебе интересен, что есть общее между вами.

— Вы стали пускать за режиссерский пул учеников, приглашенных режиссеров. На чем, к примеру, основана ваша дружба с театром «Чик бай джаул» и веселым по духу режиссером Декланом Донелланом?

— Как всегда, на личных контактах. Когда-то я ставил спектакль «Свои люди — сочтемся» в Финском национальном театре, и там в то же время ставили «Макбета» совсем молодые Деклан Донеллан и Ник Ормерод. И им так понравился мой спектакль, что свой спектакль они посвятили моему, что бывает довольно нечасто, — люди редко признаются в источнике вдохновения. Возникла дружба, и они приезжали смотреть наши спектакли много лет подряд. И когда появилась возможность, я с удовольствием пригласил их на постановку, думаю, что она не последняя.

При том, что МДТ — авторский театр, мне кажется, что с интересными

мастерами всегда интересно общаться. Я многих бы позвал что-нибудь сделать. На фестивале «Чайка» встретился с Робертом Струа, мы вспомнили о нашей договоренности, озвученной еще во время войны с Ламсхурдта. Я очень хотел, чтобы Стрелер что-нибудь поставил у нас, мы уже начали договариваться, но его не стало. Есть и конкретные договоренности, но это все просто и требует, помимо всего прочего, проклятых средств, с которыми все очень тяжело на самом деле.

— Почему у театра, вошедшего в европейский союз театров Европы и тем самым укрепившего позиции русского театра в европейском сознании, нет государственной финансовой поддержки?

— Мы благодарны Киришам — нашим главным друзьям и помощникам, с которыми мы давно сотрудничаем. Благодарны нашим коллегам в Ваймаре, Париже, с их помощью создаются новые спектакли. Взамен премьеры играют у них.

К счастью, сегодня в мире еще есть люди и организации, которые желают сотрудничать, и, к сожалению, их не так много, а в России их совсем мало. Мы много говорим о спонсорстве, а

мне кажется, надо говорить о соучастии. Заинтересованность в национальном развитии — это должно быть. Звучит достаточно банально, но она, как всякая истина, или входит в кровь, или становится пустым звуком: а, опять про доброту и духовное развитие, ну пошлито.

— Бывает ли так, что вы устаете от театра, и если да, что вы делаете тогда?

— Схожу с ума. Стараюсь снова заново тем же театром, что и раньше.

— Как вы сохраняете способность смотреть на вещи как будто в первый раз?

— Мне все время кажется, что не сохраняю. Конечно, ты жив, пока чувствуешь ценность секунды жизни.

Я уже говорил где-то: мама моей жены звонила нам зимой ранним утром, когда день начинал прибавляться. Она чувствовала движение времени очень остро и хотела им с нами поделиться. Это все тоже помогает в работе — когда близкие замечают такие «мелочи». Сам становишься внимательнее.

— Кто вам близок из современных режиссеров? Что вам дорого из спектаклей прошлых лет?

— Их очень много, они накапливаются. «Гамлет» с Лоуренсом Оливье, первый раз на видеокассете стрелоровский «Арлекин», спектакль Эдуардо де Филиппо, во время которого на сцене Дворца первой пятилетки варился кофе и весь зал пропитался ароматом этого кофе, современниковские спек-

такли Ефремова, спектакли Эфроса. Чем дальше, тем больше, к сожалению, начинаешь заниматься своим, свои репетиции часто предпочиташь чужому спектаклю. Я помню потресканные от спектакля Петра Наумовича Фоменко «Милый старый дом» в петербургском Театре комедии, спектакли Струа. Не все спектакли Захарова успеваю увидеть, а старые вспоминаю с удовольствием. С годами что-то больше принимаешь, что-то меньше, русская жизнь уточняется. Но чтобы понять что тебе это неблизко, надо увидеть, а не успеваешь даже этого. Не успеваешь принять участия в споре.

— Бываете ли собой довольны?

— Если и бываешь собой доволен, часто в прошедшем времени. Оглядываешься назад и понимаешь, что была удачная репетиция. К сожалению, как большинство, мы не успеваем ловить момент счастья, мы недооцениваем эти секунды. Мрачное мы ошущаем гораздо острее. Только ретроспективно осознаешь, что можно было радоваться, а ты пропустил, ты пропустил, теперь этого уже не будет. Каждый раз даешь себе слово, что будешь радоваться, но не очень получаешься.

— С чего для вас начинается спектакль?

— Иногда с чего-то очень общего, иногда с чего-то чувственного, иногда какая-то фраза цепляет так, что весь дальнейший текст тебя забирает, забирает, и вот ты уже весь в нем по горло. Пока не поставишь, не отпустишь.

● Екатерина ВАСЕНИНА
Санкт-Петербург — Москва

Новая газета - 2003 - 19 окт. - с. 18